

ПРОБЛЕМА ПЛЮРАЛИЗМА СУБЪЕКТОВ ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Ларионов Павел Алексеевич

Стажер-исследователь кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
ORCID: 0000-0002-6918-0906, e-mail: plarionov@mail.ru.

Статья посвящена толкованию уголовного закона как ежедневной правоприменительной деятельности органов предварительного следствия, прокуратуры и судов. Целью настоящей работы является определение в общем интерпретационном процессе с опорой на профильную и общетеоретическую доктрину его уполномоченных субъектов. Основное внимание в статье уделяется проблеме плюрализма субъектов-интерпретаторов уголовного закона и влияния указанного плюрализма на стабильность уголовной юстиции. Автором использованы различные общенаучные и частнонаучные методы, в том числе методы анализа и синтеза, а также специально-научный метод, метод сравнительно-правового исследования (в том числе в ретроспективном аспекте).

Ключевые слова: толкование, уголовное право, субъекты толкования, официальная интерпретация, компетенция, интерпретационный акт, постановления Пленума

Для цитирования: Ларионов П. А. Проблема плюрализма субъектов толкования уголовного закона // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 3. С. 74–84. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_3_74.

THE ISSUE OF PLURALITY OF THE SUBJECTS OF OFFICIAL INTERPRETATION OF CRIMINAL LAW

Larionov Pavel

Research intern, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0000-0002-6918-0906, e-mail: plarionov@mail.ru.

The article is devoted to the interpretation of the criminal law as a pretrial investigation bodies, prosecutor, and courts daily law enforcement activity. The purpose of this work is to define authorized subjects in the general interpretative process based on relevant legislative provisions and doctrine. The focus in the article is on the problem of pluralism of subjects-interpreters of the criminal law and the influence of this pluralism on the stability of criminal justice. The author uses various general scientific and special scientific methods, including methods of analysis and synthesis, as well as a special scientific method, a method of comparative legal research (including its retrospective aspect).

Key words: interpretation, criminal law, subjects of interpretation, official interpretation, competence, interpretative act, resolutions of the Plenum

*For citation: Larionov P. (2023) The issue of plurality of the subjects of official interpretation of criminal law. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 74–84. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_3_74.*

Общая характеристика и классификация субъектов

В Российской Федерации сегодня отсутствует государственный орган, который бы обладал абсолютными интерпретационными полномочиями: имел бы право толко-

вать любой принятый на ее территории правовой акт. Несмотря на то, что к положению «абсолютных интерпретаторов», по аналогии с Правительствующим сенатом в Российской империи¹ и опытом Древнего Рима², более всего приблизились Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ, даже их полномочия ограничены соответствующими учредительными актами, а также доктриной федерализма.

Переходя к анализу собственно субъектов официального толкования, необходимо отметить, что российская правовая система характеризуется их плюрализмом. С учетом не раз повторенного тезиса о том, что толкование норм права есть неотъемлемый элемент правоприменения, субъектами толкования являются все государственные органы, занимающиеся разрешением индивидуальных правовых ситуаций³. Тем не менее в рамках настоящего исследования более интересным представляется обратиться к перечню органов делегированного (легального) толкования, осуществляющих его в силу специального закрепления за ними таких полномочий⁴. Более того, учитывая тематику исследования, предметом изучения настоящего исследования охвачены лишь те органы, которые вправе давать официальное толкование положениям Уголовного кодекса Российской Федерации. Обусловлено это решение в первую очередь особой юридической силой полученной интерпретации, которая нередко наделяется нормативными свойствами либо выражает официальную позицию органа, принявшего ее⁵.

Для удобства восприятия перечня субъектов их предлагается классифицировать на три группы по принадлежности к ветвям власти. Особенности интерпретационных полномочий субъектов каждой группы в дальнейшем будут проанализированы отдельно.

Так, к *первой группе* субъектов отнесены органы судебной власти – ранее упомянутые Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ, наделенные полномочиями по толкованию положениями ст. 125 и 126 Конституции РФ соответственно. Предоставление такой привилегии именно высшим судебным инстанциям позволяет избежать так часто обсуждаемого в доктрине фактора «регионального правосудия», т. е. выбора для разрешения спора конкретного правоприменителя в зависимости от его подхода к толкованию применимой нормы. Такое злоупотребление, несмотря на императивные правила подсудности уголовных дел, встречается и в криминальной юстиции. Так, известны примеры изменения территориальной подсудности громких уголовных дел коррупционной направленности, возбужденных в отношении должностных лиц, занимающих высшие государственные должности (а иногда и высшие должности муниципальной службы) на основании подп. «в» п. 1 ч. 1 ст. 35 УПК РФ. В подобных случаях уголовное дело передается из региона, в котором преступление совершено, в суды соответствующего уровня, находящиеся в Москве, где практика разрешения подобных дел за долгие годы стала весьма предсказуемой.

Вторая группа субъектов представлена Государственной Думой РФ как одним из участников законодательного процесса, которая по распределению законодательных полномочий и является автором конкретных формулировок федеральных законов.

Третья группа включает органы исполнительной власти, представленные в интересующей нас сфере Генеральной прокуратурой РФ, Федеральной службой судебных приставов, Федеральной налоговой службой, а также множеством иных органов, которые в рамках сведений для служебного пользования, просветительской деятельности и правового информирования публикуют официальные разъяснения содержащихся в уголовном законе запретов.

¹ Биюшкина Н. И. Акты толкования Правительствующего сената действующего законодательства Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 92; Верещагин А. Н. О формах судебного нормотворчества в Российской империи // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 11. С. 25.

² Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1956. С. 67.

³ Ammann O. Domestic Courts and the Interpretation of International Law. Methods and Reasoning Based on the Swiss Example. Copenhagen: Brill Publishers, 2020. С. 173.

⁴ Cover R. M. Violence and the Word // Yale Law Journal. 1986. № 8. P. 1601–1629.

⁵ Hart H. L. A. The Concept of Law. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 94; Kelsen H. The Pure Theory of Law. California: University of California Press, 1967. P. 214.

Конституционный Суд Российской Федерации

Полномочия Конституционного Суда РФ, закрепленные в Конституции, детализированы в Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-П «О Конституционном Суде Российской Федерации». Тем не менее как ст. 125 Конституции РФ, так и ст. 3 Федерального конституционного закона прямо указывают лишь на возможность Суда давать официальное толкование Конституции, не упоминая при этом право официальной интерпретации иных нормативных актов. Однако такой подход не соответствует реальному объему полномочий Конституционного Суда РФ. Правомочие толкования бесспорно является частью его компетенции и проистекает из комплекса норм чч. 2, 5, 6 ст. 125 Конституции. Согласно этим положениям Конституционный Суд полномочен давать положениям всех актов, перечисленных в чч. 2, 5 названной статьи, «конституционно-правовое истолкование», т. е. интерпретацию, которая, по мнению Конституционного Суда, соответствует положениям основного нормативного акта. При этом такая интерпретация в силу прямого указания в ч. 6 ст. 125 Конституции, а также ст. 79 Федерального конституционного закона, обязательна не только для сторон спора, но и для всех субъектов в отечественной юрисдикции. Одновременно, в самом наличии «спора» в широком смысле и видится особенность Конституционного Суда РФ в ряду иных субъектов. Данная им официальная интерпретация тяготеет в субъектной классификации к правоприменительной (казуальной), так как она осуществляется в рамках конституционного судопроизводства по жалобе или запросу о проверке конституционности конкретных нормативных предписаний. Отсюда и необычная для официальной интерпретации формализация правовой позиции – судебное решение (постановление или определение).

Будучи органом конституционного контроля, Конституционный Суд сформулировал ряд важных для уголовного права позиций, относящихся в том числе к пределам толкования его запретов. Так, в ставшем классическим постановлении Конституционного Суда РФ от 27 мая 2003 г. № 9-П Суд впервые применил к уголовно-правовым нормам общеправовое требование формальной определенности, вытекающее из ст. 19 Конституции. Обобщенно формальная определенность представляет собой обязанность законодательной власти формулировать уголовно-правовые запреты четко, ясно и недвусмысленно, а также обязанность правоприменителей не допускать необоснованных отхождений от их текста. Как отмечается в официальном пресс-релизе, «данным принципом также исключена возможность расширительного толкования уголовного закона при его применении»¹.

В то же время ряд правовых позиций по конкретным делам последних лет вызывает обоснованные сомнения в сохранении курса на правовую определенность уголовного закона. Так, в совсем свежем определении, которым отказано в принятии жалобы гражданина о проверке конституционности положений ст. 226.1 УК РФ, Конституционный Суд РФ высказал прямо противоположную точку зрения об отсутствии необходимости закрепления в тексте уголовного закона конкретного перечня действий, влекущих уголовную ответственность, либо же исчерпывающих критериев для определения перечня таких действий². В указанном решении суд распространил формулировку диспозиции ст. 226.1 УК РФ «иное вооружение» на защитную военную амуницию (шлем и защитные очки), приравняв это понятие к «продукции военного назначения», тем самым расширив уголовно-правовой запрет и подорвав созданный им самим принцип правовой определенности.

Верховный Суд Российской Федерации

Верховный Суд в отечественной правовой системе играет комплиментарную Конституционному Суду роль: так или иначе обе высшие судебные инстанции устремляют свою деятельность на обеспечение единообразного применения законов на всей

¹ Конституционный Суд Российской Федерации: 30 лет на защите прав граждан. На примерах практики // Конституционный Суд РФ: офиц. сайт. 2022. URL: <https://ksrf.ru/RU/DECISION/Documents/%D0%AE%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D0%B5%D0%B9%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%BA.pdf> (дата обращения: 18.01.2022).

² Отсутствие поименного перечня не мешает оценке незаконности оборота спецвооружения – КС // Российское агентство правовой и судебной информации: офиц. сайт. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20220823/308225342.html (дата обращения: 25.08.2022).

территории РФ. Разница лишь в том, что Конституционный Суд достигает этой цели посредством конституционного судопроизводства, решения по результатам которого обязательны и для Верховного Суда в том числе. Верховный Суд осуществляет свои интерпретационные полномочия с помощью *«особых юридических актов»* – постановлений Пленума Верховного Суда, обзоров практики и ответов на вопросы судов, утверждаемых Президиумом Верховного Суда.

Наиболее важным для целей нашего исследования является до сих пор не разрешенный в доктрине вопрос о юридической силе официальных интерпретаций Верховного Суда. Предусмотренные ст. 126 Конституции РФ полномочия по *«даче разъяснений по вопросам судебной практики»* не дают на него исчерпывающего ответа. Более полно полномочия Верховного Суда по даче разъяснений раскрыты в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральном конституционном законе от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации». В соответствии с положениями этих законов перед Пленумом и Президиумом Верховного Суда стоит задача обеспечения на территории Российской Федерации единства судебной практики через дачу соответствующих разъяснений и процессуального надзора за деятельностью судов. В то же время характер соответствующих разъяснений также не раскрыт названными актами.

Ответ на вопрос о том, имеют ли силу обязательных разъяснения Верховного Суда РФ, абстрактно содержится в ряде процессуальных кодексов (ст. 391.9 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 308.8 Арбитражного процессуального кодекса РФ), которые указывают на необходимость отмены или изменения состоявшихся судебных решений, если примененная в них норма в ее правоприменительном истолковании нарушает *«единство судебной практики»*. Под ним Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 за 2015 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 ноября 2015 г.) понимает противоречие *«разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, а также в постановлении Президиума Верховного Суда РФ»*. Упреждая обвинения Верховного Суда РФ в отсутствии компетенции по столь широкому толкованию конституционных полномочий, необходимо упомянуть, что подобный вывод не является продуктом его воли. К этому выводу двумя годами ранее пришел Конституционный Суд РФ, который в постановлении от 23 декабря 2013 г. № 29-П закрепил, что издание соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ *«обязывает суды общей юрисдикции соотносить применение конкретных правовых норм с этими разъяснениями»*, в противном случае принятое решение с очевидностью содержит *«судебную ошибку»*.

Интересно, что в процитированном постановлении Конституционного Суда РФ не уделено такого же внимания актам Президиума Верховного Суда, которые, как было показано выше, также содержат разъяснения для нижестоящих судов. Значит ли это, что обязательную силу имеют только акты Пленума Верховного Суда, а Президиум вправе принимать лишь рекомендации? Скорее, нет. По нашему мнению, основанному на положениях двух вышеуказанных федеральных конституционных законов, обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом Верховного Суда, служат той же процессуальной цели – обеспечению единства практики на всей территории России. Исходя из этого правовая позиция из постановления Конституционного Суда должна охватывать и их. На той же позиции стоит и сам Президиум, который в ранее упомянутом Обзоре судебной практики № 3 за 2015 г. включает в число оснований для отмены или изменения судебных решений *«противоречие разъяснениям, содержащимся в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации»*.

При этом крайне загадочной видится избранная Президиумом формулировка. Как известно, обзор судебной практики представляет собой самостоятельную форму правового акта, которая в строгом смысле постановлением Президиума не является. Постановления Президиума в то же время представляют собой правоприменительные акты, принимаемые по результатам рассмотрения им дела в порядке надзорной инстанции или возобновления дела по новым обстоятельствам. И здесь возникает крайне опасный для отечественной правовой системы вопрос: значит ли избранная формулировка, что Президиум Верховного Суда допускает признание его решений

по индивидуальным спорам своеобразными прецедентами, отступление от которых при схожести фактических обстоятельств требовало бы отмены или изменения дефектного судебного акта?

Примечательно, что, несмотря на кажущееся противоречие такого подхода отечественным представлениям об источниках права, он российской правовой системе уже знаком. Речь идет, конечно, о юридической силе постановлений Высшего Арбитражного Суда, рассматривавшего дело в порядке надзора; положения ч. 3 ст. 305 Арбитражного процессуального кодекса РФ (в ред. от 2 ноября 2013 г.) указывали на обязательность для всех нижестоящих судов толкования примененных в деле правовых норм. После упразднения Высшего Арбитражного Суда, уже в новой редакции Арбитражного процессуального кодекса то же положение закреплено в ч. 5 ст. 308.11, действующей по сей день (с изменением лишь субъекта обязательного толкования с Высшего Арбитражного Суда на Верховный Суд). Аналогичные положения содержатся и в ст. 412.12 Уголовно-процессуального кодекса РФ, что лишь укрепляет уверенность в отсутствии неточности в анализируемом Обзоре судебной практики. Итак, обязательным характером в действующей системе правового регулирования обладают сразу три вида актов Верховного Суда РФ: постановления Пленума, постановления Президиума, рассматривающего дело в порядке надзора, и обзоры судебной практики.

Федеральное Собрание Российской Федерации

Толкование действующих федеральных законов парламентом (как органом, их издавшим) в теории права именуют аутентическим, т. е., по Е. В. Васильковскому, «прямым авторитетным разъяснением смысла норм самим законодателем, побуждаемым неясностью или неправильным применением данной нормы в жизни». Представители московской уголовно-правовой школы утверждают, что правом аутентического толкования в нашей стране «наделена лишь Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, которая принимает соответствующие постановления, обладающие обязательной юридической силой»¹. Обязательность таких постановлений, полномочие принимать которые не предусмотрено ни в одном нормативном акте, В. Казанцев усматривает в ч. 1 ст. 105 Конституции РФ, закрепляющей, что федеральные законы принимаются исключительно Государственной Думой². Не соглашаясь с приведенной позицией, В. М. Сырых³ и ряд иных ученых⁴ указывают, что надлежащим актом Государственной Думы, закрепляющим результаты аутентического толкования, может быть только федеральный закон.

Приведенная доктринальная дискуссия лишь подчеркивает проблемность восприятия действительных полномочий Государственной Думы на издание интерпретационных актов и их юридической силы. В то же время этот вопрос был исчерпывающим образом разрешен еще в конце прошлого века в постановлении Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1997 г. № 17-П. Предметом проверки по данному делу являлось соответствие Конституции двух интерпретационных постановлений Государственной Думы, которыми разъяснялись положения Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации „О статусе судей в Российской Федерации“». Согласно правовой позиции Суда Государственная Дума полномочиями аутентической интерпретации не обладает, так как в строгом смысле не является «органом, издавшим правовой акт». Таким «органом», по мнению Конституционного Суда, могут считаться лишь все участники законодательного процесса в едином механизме, включая помимо Государственной Думы еще и Совет Федерации, и Президента. Отсюда, по мнению Суда, акты официального аутентического толкования могут издаваться исключительно в форме федеральных законов, принятых в соответствии с установленной конституционной процедурой.

¹ Уголовное право России. Общая и Особенная части: учеб. / отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. М.: Контракт, 2017. С. 59.

² Казанцев В. Очередность списания денежных средств со счета // Российская юстиция. 1997. № 9. С. 40.

³ Сырых В. М. Теория государства и права. М.: Юстицинформ, 2012. С. 467.

⁴ Уголовное право. Общая и Особенная части: учеб. для вузов / под ред. Н. Г. Кадникова. М.: Городец, 2006. С. 216.

В доктрине по данному вопросу существуют и крайне радикальные точки зрения. В. С. Нерсисянц, к примеру, аргументирует недопустимость существования аутентического толкования вообще, указывая, что «в условиях разделения властей один орган не должен обладать одновременно двумя функциями и двумя полномочиями – изданием обязательных нормативных актов и осуществлением официально-обязательного толкования»¹. Историческое подтверждение позиции философа обнаруживается еще в описании Аристотелем организации государственной власти Афин в VII–VI вв. до н. э., где архонт Солон, обладая законодательными полномочиями, «не считал себя вправе истолковывать законы»².

Обобщенно с позицией Конституционного Суда РФ согласиться можно. Как уже отмечалось, ни положения Конституции, ни принятые во исполнение ее федеральные законы не наделяют Государственную Думу правом официального толкования. Поэтому интерпретационная деятельность нижней палаты парламента инициативна, присвоена ей без надлежащих к тому правовых оснований. Такой подход не согласуется с положениями ч. 4 ст. 3 Конституции РФ, запрещающей произвольное присвоение властных полномочий и, как отмечает С. М. Шахрай, является гарантией недопустимости «возрождения авторитаризма»³. Ту же позицию занимают В. О. Лучин и А. В. Мазуров, которые пишут, что использование принципа «разрешено все, что не запрещено» «недопустимо в сфере действия публичной власти»⁴, а потому решение Конституционного Суда РФ, прервавшего порочную практику, видится концептуально верным.

В то же время с Конституционным Судом РФ невозможно согласиться в аргументации. Представляется, что центральный довод о том, что Государственная Дума есть не подходящий субъект для аутентического толкования, не основан на положениях Конституции. Так, нижняя палата отечественного парламента согласно ч. 2 ст. 104, ч. 1 ст. 105 Конституции является в прямом смысле «автором» федерального законодательства, которое после принятия в Государственной Думе направляется в Совет Федерации и Президенту лишь для одобрения и подписания без возможности внесения изменений. Отсюда роль верхней палаты парламента и главы государства в законодательном процессе по критерию родства с текстом законов скорее вторична в сопоставлении с Государственной Думой. Следовательно, никто иной кроме Государственной Думы не может выступать более компетентным субъектом в вопросах уяснения истинного смысла законодательства.

Помимо этого, выводы Конституционного Суда относительно надлежащей формы выражения официальных интерпретаций не выдерживают никакой критики. Предложенная высшей судебной инстанцией аргументация конкретной формы может быть воспринята в двух вариантах.

Во-первых, Конституционный Суд РФ, закрепляя обязательную форму федерального закона для аутентической интерпретации, действительно может допускать принятие, например, Федерального закона «О толковании положений Уголовного кодекса Российской Федерации». Нужно ли говорить, что подобная практика как минимум удвоит работу законодательных органов, которые при внесении изменений в истолкованный акт будут вынуждены вносить изменения еще и в интерпретационный. Кроме того, издание такого федерального закона, интерпретирующего положения иного акта, уничтожит все иные толкования меньшей юридической силы, включая ранее упомянутые постановления Пленума и Президиума, обзоры практики Верховного Суда РФ. Такое развитие событий вряд ли можно считать благоприятным для отечественной правовой системы, ведь в указанном случае произойдет именно то, о чем писал В. С. Нерсисянц, – объединение функций законотворчества и обязательной официальной интерпретации в руках одного органа государственной власти⁵.

¹ Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства: учеб. для вузов. М.: Норма, 2021. С. 375.

² Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян. 2-е изд. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. С. 39.

³ Шахрай С. М. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2017. С. 391.

⁴ Лучин В. О., Мазуров А. В. Толкование Конституции Российской Федерации (обзор практики Конституционного Суда) // Право и власть. 2001. № 1. С. 102.

⁵ Нерсисянц В. С. Указ. соч. С. 376.

Во-вторых, доводы Конституционного Суда РФ в некоторой степени обесценивают процесс аутентической интерпретации *«неудовлетворительных законов»*¹: зачем толковать неясные законы с помощью законотворческой процедуры, если в рамках нее же можно внести соответствующие изменения? Несмотря на отсутствие адекватного ответа на поставленный вопрос, позиция о допустимости толкования уголовного закона специализированными федеральными законами перенята учеными криминального цикла и содержится в ряде академических материалов². Нам представляется, что искусственно созданная Конституционным Судом РФ ситуация излишнего обременения органов аутентического толкования необходимостью следования формальным процедурам, которые не адекватны целям и сути этого правового явления, лишает отечественную правовую систему данного вида интерпретации. В то же время аутентическое толкование представляет собой наиболее утилитарное средство достижения цели – уяснения воли законодателя (кто, как не он сам, знает, что стремился имплементировать в правовую систему с помощью принятого закона?). Следовательно, толкование парламентом его актов есть мощнейший инструмент законности, сознательный отказ от которого сопоставим с отказом от прямого диалога в пользу игры в «глухой телефон»³. При этом использование аутентического толкования в отечественной правовой системе вовсе не должно иметь обязательную юридическую силу. Снимая беспокойство В. С. Нерсисянца, эффективность авторской интерпретации вовсе не должна детерминировать все принимаемые на основе истолкованного акта судебные решения; цель уяснения воли законодателя может быть достигнута и при наделении аутентического толкования рекомендательным характером, обязывающим участников судебного процесса использовать подобный довод в совокупности с иной юридической аргументацией.

Так или иначе, проанализированная правовая позиция Конституционного Суда РФ однозначно исключила любые попытки Государственной Думы предложить аутентическое толкование законодательства. Поэтому авторское толкование в привычном понимании в российской правовой системе сегодня отсутствует. Его место занимают точечные разъяснения комитетов Государственной Думы, формируемые по результатам обращений граждан по узким вопросам. Естественно, такие разъяснения не восполняют образовавшийся пробел в силу их бессистемности и рекомендательной юридической силы: они представляют собой лишь официальную позицию конкретного структурного подразделения нижней палаты парламента, а не всей Государственной Думы, а потому «авторитет» их гораздо меньше. В то же время, поскольку Совет Федерации в лице его структурных подразделений также вправе разъяснять законодательство в порядке ответов на обращения граждан, обоснованным представляется включить и его в перечень субъектов официального толкования.

Генеральная прокуратура Российской Федерации

Предваряя анализ конкретных интерпретационных актов, важным представляется констатировать отсутствие у Генеральной прокуратуры полномочий толкователя нормативных актов вообще. Положения Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», а также Регламента Генеральной прокуратуры РФ (утв. приказом Генеральной прокуратуры РФ от 11 мая 2016 г. № 276), закрепляющие полномочия Генерального прокурора, не содержат ни одного упоминания о праве последнего *«обобщать практику»*, *«давать разъяснения»* либо, как минимум, *«давать рекомендации по применению норм права»*. В то же время ст. 17 Федерального закона наделяет Генерального прокурора РФ полномочием *«издавать обязательные для исполнения всеми работниками органов и организаций прокуратуры приказы, указания, распоряжения, положения и инструкции, регулирующие вопросы организации деятельности прокуратуры Российской Федерации и порядок реализации мер материального и социального обеспечения»*. Как видно из приведенной нормы, перечисленные правовые акты име-

¹ Савиньи Ф. К. Система современного римского права: в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011. Т. 1.

² Уголовное право. Общая и Особенная части / под ред. Н. Г. Кадникова. С. 216.

³ Canale D., Tuzet G. Analogical Reasoning and Extensive Interpretation // ARSP: Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. 2017. Vol. 103. Is. 1. С. 132.

ют ограниченную сферу регулирования: их предназначение сведено к юридическому оформлению внутренней системы органов прокуратуры, иерархии прокурорских работников, порядка оплаты их труда, а также ведения делопроизводства.

На практике же Генеральный прокурор РФ использует указанные полномочия в том числе для дачи обязательных для подчиненных ему прокурорских работников разъяснений относительно занятия процессуальной позиции по уголовному делу либо применения конкретных положений Уголовного кодекса РФ. Формой таких разъяснений избраны указания Генеральной прокуратуры РФ, которые согласно положениям ст. 17 Федерального закона имеют обязательную юридическую силу. В то же время в практике Генеральной прокуратуры РФ встречаются также иные интерпретационные акты, которые имеют рекомендательный характер.

По мнению В. О. Лучина и А. В. Мазурова, произвольное толкование полномочий в публичном праве недопустимо, вследствие чего фактическое присвоение Генеральным прокурором РФ права официальной интерпретации уголовно-правовых запретов (тем более обязательного характера) видится *a priori* неправомерным¹. В то же время, как верно отмечает П. А. Гук, подобный подход можно критиковать, однако в современной системе правового регулирования не остается ничего иного, кроме как соглашаться с решениями действующей власти, которые не поставлены под сомнение ни Конституционным Судом РФ, ни Верховным Судом РФ². Оставляя вопросы компетенции Генерального прокурора РФ на разрешение уполномоченным органам государственной власти, полагаем более практически верным рассмотреть обоснованность содержания указанных интерпретационных актов.

Закономерным видится мнение, что разъяснения Генеральной прокуратуры РФ должны восприниматься своеобразными «шпаргалками» для прокурорских работников. Чаще всего они представляют собой своеобразную тематическую кодификацию авторитетных официальных правовых позиций, дословно воспроизводят толкование конкретных уголовно-правовых норм, закрепленное в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, решениях Конституционного Суда РФ. В то же время имеют место случаи закрепления в имеющих обязательную силу указаниях Генеральной прокуратуры РФ разъяснений, прямо противоречащих букве уголовного закона и релевантному толкованию высшей судебной инстанции. Так, в одном из имеющих обязательную силу интерпретационных актов к признакам преступлений коррупционной направленности отнесено в том числе «*обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц)*». При этом тем же актом к числу коррупционных преступлений «*безусловно*» отнесены, например, злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.1 УК РФ), а также нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума (ст. 141.1 УК РФ). Необходимо ли отмечать, что в обоих случаях признак корыстного мотива (или корыстной цели) в диспозиции норм не указан, что само по себе ставит под сомнение адекватность закрепленного толкования нормативному материалу. Более того, применительно к ст. 201.1 УК РФ релевантная интерпретация Пленума Верховного Суда РФ специально подчеркивает, что такое деяние лишь альтернативно совершается с корыстным мотивом, которому противопоставлена иная личная заинтересованность как самостоятельный признак субъективной стороны, детерминирующий уголовную ответственность.

Помимо названных составов сомнительным видится включение ст. 229.1 УК РФ в перечень «*корыстных преступлений*». Контрабанда наркотических средств даже в самом широком толковании не может включать корыстного мотива: диспозиция нормы не указывает, например, на цель дальнейшего сбыта незаконно ввезенных наркотических средств. Отсюда возникает закономерный вопрос: должен ли прокурорский работник, стремящийся исполнить указания Генеральной прокуратуры РФ, при поступлении к нему уголовного дела с обвинительным заключением в от-

¹ Лучин В. О., Мазуров А. В. Указ. соч. С. 102.

² Гук П. А. Судебное толкование и применение норм законодательства // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 2. С. 42.

ношении лица, обвиняемого в совершении одного из упомянутых преступлений, вернуть его следователю для производства дополнительных следственных действий, если обнаружит, что им не доказано наличие у обвиняемого корыстного мотива? Со ссылкой на принцип подчинения нижестоящих прокуроров Генеральному прокурору РФ (ст. 3 Федерального закона), обязательную силу издаваемых им указаний (ст. 17 Федерального закона), а также право руководителей органов и организаций прокуратуры привлекать к дисциплинарной ответственности прокурорских работников, не исполняющих должностные обязанности (ст. 41.7 Федерального закона), представляется логичным утвердительный ответ.

На практике подобное развитие событий вступает в противоречие с положениями ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ, определяющими предмет доказывания по конкретному уголовному делу. Несмотря на то что приведенная норма, как может показаться на первый взгляд, обязывает органы предварительного следствия и государственного обвинителя доказывать мотивы обвиняемого, судебная практика, следуя разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, исходит из обязательности включения этого факультативного признака субъективной стороны в предмет доказывания лишь в случаях, когда это прямо предусмотрено статьей Особенной части. Значит, положения ст. 73 УПК РФ обязывают следственные органы изучать преступные побуждения виновных не с целью решения вопроса о необходимости их привлечения к уголовной ответственности, а с иными, скорее криминологическими или статистическими целями. Следовательно, позиция Генеральной прокуратуры РФ о наличии в составе указанных преступлений корыстного мотива лишена всякого юридического обоснования. И хотя суды не связаны предложенным толкованием, разночтения в оценке обязательных признаков конкретных преступлений далеко не способствуют укреплению стабильности и предсказуемости правоприменительной практики, а кроме того, подрывают авторитет органов прокуратуры как главного надзорного ведомства, призванного следить за неукоснительным исполнением законов Российской Федерации.

Иные органы исполнительной власти (Федеральная служба судебных приставов, Федеральная налоговая служба и т. д.)

Подобно большинству разъяснений Генеральной прокуратуры РФ интерпретационные акты иных органов исполнительной власти часто представляют собой тематическую антологию или попросту дословное воспроизведение правовых позиций высших судебных инстанций или норм права. Такой подход оценивается нами в целом положительно: во-первых, принятые акты являются рекомендательными и не обязательны, в том числе для иерархически подчиненных лиц, что исключает аналогичные предыдущему блоку практические коллизии; во-вторых, ими эффективно достигается цель правового информирования и обеспечения методическими рекомендациями государственных служащих без фактического присвоения полномочий официальной интерпретации, которые у соответствующих органов *a priori* отсутствуют.

Однако даже такой умеренный путь имеет свои недостатки. В первую очередь проявляются они в определенном отставании принятых методических рекомендаций от частых изменений как правоприменительного курса по конкретным делам, так и буквы закона. Наиболее яркий пример последнего содержится в письме Государственной налоговой службы Российской Федерации от 11 сентября 1997 г. № ВЗ-6-18/654, которым дословно воспроизведены отдельные положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 июля 1997 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов». Положения п. 3 письма указывают, что *«действия виновного, занимающегося предпринимательской деятельностью без регистрации или без специального разрешения либо с нарушением условий лицензирования и уклоняющегося от уплаты налога с доходов, полученных в результате такой деятельности, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 171 и 198 УК РФ»*. Процитированная позиция Пленума Верховного Суда 1997 г. после вступления в силу Налогового кодекса РФ утратила актуальность. В соответствии с комплексом норм налогового права (ст. 41, 207, 248 НК

РФ) доходами для целей налогообложения признаются исключительно активы в денежной или натуральной форме, полученные от законной деятельности на территории Российской Федерации. Поэтому преступные доходы как предмет преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ, не могут квалифицироваться как налогооблагаемые. Того же мнения придерживается и высшая судебная инстанция, разъясняющая положения уголовного закона в части запрета занятия незаконной предпринимательской деятельностью. Принимая во внимание неактуальность позиции органа налогового контроля, важным представляется отметить, что анализируемый акт является действующим, не претерпевшим никаких изменений в том числе в ходе преобразования Государственной налоговой службы РФ в Министерство по налогам и сборам в 1998 г., а затем в Федеральную налоговую службу в 2004 г. Подтверждением этому служит принятый в российской правовой системе принцип «преемственности» правовых актов в случае преобразования или реорганизации и сохранения за ними юридической силы в отсутствие прямого волеизъявления вновь созданного органа на их отмену. Итак, в нормативном материале сегодня содержатся такие рудиментарные положения, которые в определенной степени дестабилизируют отечественную уголовную юстицию.

Вывод

Обобщая результаты проведенного анализа, необходимо констатировать, что современный плюрализм субъектов интерпретации в контексте выявленного множества коллизий разной степени критичности не идет на пользу отечественной криминальной юстиции. В указанном плюрализме видится одна из проблем толкования уголовного закона последних лет, катализируемая разночтениями как в отношениях закон – интерпретация, так и в отношениях интерпретация – интерпретация (безотносительно их юридической силы).

Список литературы

Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян. 2-е изд. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. 254 с.

Биюшкина Н. И. Акты толкования Правительствующего сената действующего законодательства Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 92–98.

Верецагин А. Н. О формах судебного нормотворчества в Российской империи // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 11. С. 4–33.

Гук П. А. Судебное толкование и применение норм законодательства // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 2. С. 35–43.

Казанцев В. Очередность списания денежных средств со счета // Российская юстиция. 1997. № 9. С. 40–42.

Лучин В. О., Мазуров А. В. Толкование Конституции Российской Федерации (обзор практики Конституционного Суда) // Право и власть. 2001. № 1. С. 90–103.

Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства: учеб. для вузов. М.: Норма, 2021. 560 с.

Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1956. 131 с.

Савиньи Ф. К. Система современного римского права: в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011. Т. 1. 717 с.

Сырых В. М. Теория государства и права. М.: Юстицинформ, 2012. 704 с.

Уголовное право России. Общая и Особенная части: учеб. / отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чуцаев. М.: Контракт, 2017. 384 с.

Уголовное право. Общая и Особенная части: учеб. для вузов / под ред. Н. Г. Кадникова. М.: Городец, 2006. 912 с.

Шахрай С. М. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2017. 624 с.

Ammann O. Domestic Courts and the Interpretation of International Law. Methods and Reasoning Based on the Swiss Example. Copenhagen: Brill Publishers, 2020. 404 p.

Canale D., Tuzet G. Analogical Reasoning and Extensive Interpretation // ARSP: Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy. 2017. Vol. 103. Is. 1. P. 117–135.

Cover R. M. Violence and the Word // Yale Law Journal. 1986. № 8. P. 1601–1629.

Hart H. L. A. The Concept of Law. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2012. 400 p.

Kelsen H. The Pure Theory of Law. California: University of California Press, 1967. 366 p.

References

Ammann O. (2020) *Domestic Courts and the Interpretation of International Law. Methods and Reasoning Based on the Swiss Example*. Copenhagen, Brill Publishers. 404 p.

Aristotle (1937) *Afinskaya politiya. Gosudarstvennoe ustroistvo afinyan* [Athenian politics. The state structure of the Athenians], 2nd ed. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 254 p.

Biyushkina N. I. (2019) Akty tolkovaniya Pravitel'stvuyushchego senata deistvuyushchego zakonodatel'stva Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Acts of interpretation of the Governing Senate of the current legislation of the Russian Empire (the second half of the XIX – the beginning of the XX century)]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, no. 6, pp. 92–98.

Canale D., Tuzet G. (2017) Analogical Reasoning and Extensive Interpretation. In *ARSP: Archives for Philosophy of Law and Social Philosophy*, vol. 103, is. 1, pp. 117–135.

Cover R. M. (1986) Violence and the Word. In *Yale Law Journal*, no. 8, pp. 1601–1629.

Gracheva Yu. V., Chuchaev A. I. (Eds.) (2017) *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chast' [Criminal law of Russia. General and Special parts]*. Moscow, Kontrakt, 384 p.

Guk P. A. (2016) Sudebnoe tolkovanie i primeneniye norm zakonodatel'stva [Judicial interpretation and application of legislation]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*, no. 2, pp. 35–43.

Hart H. L. A. (2012) *The Concept of Law*, 3rd ed. Oxford, Oxford University Press, 400 p.

Kadnikov N. G. (Ed.) (2006) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chast': Uchebnik dlya vuzov* [Criminal law. General and Special parts: Textbook for universities]. Moscow, Gorodets, 912 p.

Kazantsev V. (1997) Ocherednost' spisaniya denezhnykh sredstv so scheta [The order of debiting funds from the account]. In *Rossiiskaya yustitsiya*, no. 9, pp. 40–42.

Kelsen H. (1967) *The Pure Theory of Law*. California, University of California Press, 366 p.

Luchin V. O., Mazurov A. V. (2001) Tolkovanie Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii (obzor praktiki Konstitutsionnogo Suda) [Interpretation of the Constitution of the Russian Federation (review of the practice of the Constitutional Court)]. In *Pravo i vlast'*, no. 1, pp. 90–103.

Nersesyants V. S. (2021) *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of law and the state]. Moscow, Norma, 560 p.

Peretersky I. S. (1956) *Digesty Yustiniana. Ocherki po istorii sostavleniya i obshchaya kharakteristika* [Digests of Justinian. Essays on the history of compilation and general characteristics]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 131 p.

Savin'i F. K. (2011) *Sistema sovremennogo rimskogo prava: in 8 vols.* [The system of modern Roman law], ed. by O. Kutateladze, V. Zubar', transl. from German by G. Zhigulin, Moscow, Statut, 717 p.

Shakhray S. M. (2017) *Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional law of the Russian Federation], 4th ed., modif. and add. Moscow, Statut, 624 p.

Syrykh V. M. (2012) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, Justicinform, 704 p.

Vereshchagin A. N. (2014) O formakh sudebnogo normotvorchestva v Rossiiskoi imperii [On the forms of judicial rulemaking in the Russian Empire]. In *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, no. 11, pp. 4–33.